

ли, сколь бесценен этот сюжет, как много значит термин «Жди добра», если сделать его обобщением, заглавием.

Но наиболее взволнованным было лицо автора «Мечты Лиды» **Саши Тагирова**: он уже успел позабыть свой автобиографический этюд, написанный ещё на первом курсе.

Его детская мечта — статья, как и отец, лётчиком — не осуществилась: подвело зрение. Окончив школу, он поступил в РГГУ, на факультет востоковедения, а оттуда перевёлся в Литературный институт.

Вероятно, его дипломной работой будет повесть «Жди добра».

Добавлю на всякий случай, что обязательный *автобиографический этюд*, который мои студенты пишут на первом курсе, умение вести повествование в первом лице, не бояться исповедальности, не бояться собственного Я, — что этим отнюдь не исчерпываются приёмы и навыки писательской работы.

На втором курсе я задам им столь же обязательный для каждого этюд, который будет называться «*Третье лицо — и никаких гвоздей*».

А потом будут третий, четвёртый курсы... Зато на пятом — свободное парение мысли и воображения почти уже состоявшегося писателя.

А. Ю. СЕГЕНЬ*

ТАЛАНТ ВСЕГДА ПРАВ, ИЛИ ВРЕМЯ ПОМЕНЯЛОСЬ?

В своё время, когда я поступал в Литературный институт, такого экзамена не было и в помине. Тем не менее никто из поступавших студентов никогда не был обличён в том, что представил на творческий конкурс не свою работу. И если бы таковые проходимцы появлялись, их быстро можно было уличить. Но их, повторяю, не было. Так же и теперь, я уверен, что никто не станет поступать с чужими работами.

А ведь именно такое подозрение, изначально оскорбительное, заложено в самой идее вступительного этюда. В судебной практике существует презумпция невиновности. Так почему же у нас в институте практикуется нечто противоположное — абитуриент должен доказывать, что он не жулик и не подал на творческий конкурс чужое произведение!

Когда я приношу рукопись в издательство, от меня не требуют доказательств, что это действительно моё сочинение. А тут с первых шагов человека огорчают недоверием.

Кроме того, работа, созданная в те несколько часов, которые предоставляются абитуриенту, в подавляющем большинстве случаев никак не отражает его литературных способностей. И даже, на мой взгляд, подавляет их.

Я не люблю слова «вдохновение», считаю, что писатель должен уметь заставлять себя работать. Но нельзя не признать, что акт творчества в значительной мере вещь интимная, это не актёрство, которое изначально предполагает работу на публику.

---

* Александр Юрьевич Сегень — прозаик, доцент кафедры литературного мастерства, руководитель семинара прозы, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); litmasterstvol@litinstitut.ru

Не побоюсь смелого сравнения: акт творчества подобен акту любви. Только представим, что люди пришли в ЗАГС, а от них требуют наглядного свидетельства, что они действительно любят друг друга, а не вступают в брак по каким-то иным соображениям?

Теперь о практике экзамена «Этюд». Трижды я принимал такие экзамены, набирая студентов для своего семинара. Не припомню ни одного выдающегося сочинения. Мало того, могу с полной ответственностью заявить, что студенты, которые в дальнейшем ярче других проявляли себя, в тех вступительных этюдных сочинениях выглядели беспомощными. Один абитуриент, чувствуя себя плохо, вообще намеревался отказаться от самой идеи поступления в институт. Я дал ему денег на лекарство, он отлучился на полчаса, подлечился и со скрипом написал этюд.

Из запомнившихся этюдов могу назвать работу абитуриента Седова на тему «Мой первый автомобиль», в которой он описал, как его везли в вырезанной детали, а он воображал себе, что купил машину и едет на ней по родному городу. С трудом отучившись потом полтора года, Седов бросил институт.

Совсем иное дело этюды, которые студенты пишут по заданию мастеров во время обучения. Это вещь очень полезная, обучающая студентов втискивать себя в рамки заданной темы. Практика показывает, что многие такие этюды затем по достоинству попадают в дипломную работу. В последнее время я даже стал называть этюды более строго: курсовая работа. Слыша такое словосочетание, студент с большей ответственностью подходит к выполнению задания, понимает, что это является возможностью отчитаться за очередной курс обучения. Но если студент не выполняет задания, но при этом может представить на суд иное сочинение, заслуживающее хорошей оценки, я нахожу возможным освободить его от заданной курсовой работы.

В. Ю. МАЛЯГИН*

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ДРАМАТУРГА

То, что этюд — эффективный способ преподавания литературного мастерства, а особенно на первоначальном этапе, — думаю, нет нужды доказывать и даже объяснять высоким профессионалам своего дела. Хотелось бы поразмышлять о другом... Да простится мне использование заумно-философских категорий — об онтологии и даже, извините за выражение, об экзистенции этюда.

* * *

Какова же онтология литературного (и конкретно — драматического) этюда?

Обращаясь к двум видам искусства — живописи и музыке, мы также находим там понятие (и не только понятие, а работающую форму) этюда. Но, размышляя над этюдом в живописи и музыкальным этюдом, мы обнаружи-

---

* Владимир Юрьевич Малягин — драматург, прозаик, сценарист, доцент кафедры литературного мастерства, руководитель семинара драматургии, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); litmasterstvol@litinstitut.ru